

Содержание

I. Вступительные замечания

1) Общая характеристика евангелия. 2) Задача Очерка. 3) Точки зрения при изучении евангелия; историческая точка зрения; Штраус, Ренан. Ревиль; Историко-литературная точка зрения. 4) Евангелие и эллинизм; эллинистический язык. 5) Группировка евангелий. 6) Ново-заветный канон. 7) Авторство евангелистов. 8) Источники первых трех евангелий; традиция устная и письменная. 9) Свидетельство Папия. 10) Термин "евангелие"

II. Синоптические евангелия

1) Синоптические евангелия. 2) Евангелие от Марка; его композиция; его отличия от первого и третьего евангелий; его основа, время и язык. 3) Первое евангелие; свидетельство о нем Папия, источники и состав первого евангелия; его общий характер и цель; ветхо-заветные пророчества в нем; его особенности; группировка поучений в нем. 4) Третье евангелие; его автор; третье евангелие и "Деяния апостолов"; полнота третьего евангелия; его источники, его время и стиль. 5) Синоптическая проблема; попытки ее разрешения; почему попытки эти неудачны? процесс образования синоптических евангелий; разрешима ли синоптическая проблема

I. Вступительные замечания (отрывок)

1. Евангелие... Кто может назвать книгу, культурному человечеству более знакомую, более близкую, более дорогую? Кто из грамотных людей не раскрывал этой книги, не читал ее, если не от первой до последней страницы, то хотя бы в отрывках? Кому из неграмотных людей не приходилось слушать чтение отрывков из этой книги другими? Книга всем и каждому хорошо известная и... вместе с тем, книга полная таинственности, книга, возбуждавшая и возбуждающая, при ближайшем и более тесном соприкосновении с нею, ряд недоуменных вопросов, неразрешимых загадок, непримиримых противоречий.

Последнее обстоятельство может показаться странным. И вот почему: вряд ли какой-либо другой книге посвящено было и посвящается по сие время столько исследований, сколько насчитывает их евангелие. Вокруг него и в связи с ним создалась такая литература, которая, будучи собрана вместе, составила бы большую библиотеку. Если бы кто пожелал прочитать все то, что написано об евангелии, он должен был бы всецело отдаться этому чтению и... все таки, вряд ли бы он успел, даже если бы судьба послала ему долгий век, справиться с этой задачей. А человека, пожелавшего внимательно изучить евангельскую литературу, хотя бы в лице ее наиболее крупных и авторитетных представителей, постигло бы сначала недоумение, а потом отчаяние: он убедился бы, что по многим вопросам, иногда вопросам первостепенной важности, связанным с евангелием, в литературе, ему посвященной, царит в мнениях ученых-исследователей глубокое разногласие. То, что, казалось бы, одним ученым обстоятельно разъяснено и неопровержимо доказано, другой ученый разбивает и опровергает при помощи столь же основательной аргументации, с какою первый пытался доказать истинность защищаемых им положения. Когда знакомишься с простым обзором тех мнений, которые были высказаны в ученой литературе об евангелии, начинает казаться, будто попал в какой-то лабиринт, откуда нет и не может быть выхода: отдельные нити ученых и мнимоученых домыслов, основательных и шатких предположений, блестящих и беспочвенных фантазий -- все это переплетается в один клубок, все это нагромождается друг на друга. Евангелие -- удивительная книга! Попробуйте читать его сплошь, страницу за страницей, и вы убедитесь, что нет книги более простой, попятной, легко усвояемой! Но стоит начать внимательно и вдумчиво читать евангелие, обратиться к изучению его-и сколько затруднений встретится на каждом шагу, сколько возникнет недоуменных вопросов и по поводу всей книги, в ее совокупности, и по поводу ее отдельных частей, глав, страниц и даже строк.

Отчего же все это происходит? Чем все это объясняется? Прежде всего, тем, что евангелие, несмотря на свои небольшие размеры, слишком богато содержанием. Далее, тем, что, по своему содержанию, евангелие касается одного из важнейших моментов в истории человеческой культуры. Наконец, тем, что наши сведения об евангелии слишком скудны, слишком отрывочны, особенно те сведения, которые восходят ко времени, близкому к возникновению евангелия, иными словами, у нас слишком мало надежных источников об евангелии. А это ведет к тому, что зачастую, чтобы не сказать постоянно, приходится в самом евангелии искать ответы на различные вопросы, по поводу и в связи с ним возникающие. Так как само евангелие, по присущим ему свойствам, далеко не всегда в состоянии дать ответы на эти вопросы,

получается своего рода заколдованный круг, в лучшем случае -- уравнение со многими неизвестными.

2. Стоит ли пытаться решать это уравнение? Стоит ли к массе книг, существующих об евангелии, прибавлять новую? Вопросы вполне резонные, и, чтобы не возникло, с самого же начала, недоумений между читателем книги и ее автором, последний должен дать на них посильные ответы. Они сводятся к установлению следующих положений: а) Продолжительное, упорное, внимательное изучение евангелия многими учеными, а среди них были и бывают выдающиеся умы должно было, разумеется, принести и принесло плоды: если далеко не на все, то на некоторые вопросы, относящиеся к евангелию, наука дает теперь вполне точные и определенные ответы. По многим другим вопросам ученые, повидимому, приблизились к наиболее правдоподобию их разрешению. В такой сложной и ответственной проблеме, как вопрос об евангелии, полезно постоянно помнить о различии между истинным, правдоподобным и вероятным, и там, где это нужно, подчеркивать это различие со всею решительностью, предпочитая, по ходу дела, откровенно сказать: не знаем, не можем решить, нежели строить такие предположения, обосновать которые либо не представляется возможным, либо не хватает сил. б) За последнюю четверть века интерес к евангелию проявлялся в ученой западно-европейской литературе чрезвычайный, причем поставлены были на очередь многие вопросы, связанные с евангелием, совершенно заново, намечены были новые пути в деле его изучения. Русские ученые, и богословы и историки, остались, пока что, в стороне от этого движения, несмотря на то, что наше общество за последние годы горячо интересовалось и интересуется религиозными вопросами. А так как обсуждение этих вопросов неизбежно всегда восходит и будет восходить к евангелию, как первооснове и первоисточнику христианства и христианского вероучения, то автору настоящего "общего очерка" и казалось небесполезным познакомить читателя, познакомить бесхитростно и беспристрастно, с теми результатами в деле изучения евангелия, которые могут быть признаны более или менее прочно установленными, отметить, какие стороны евангельской проблемы все еще остаются нерешенными, указать, отчасти хотя бы, на те новые пути в деле изучения евангелия, которые, за последнее время, в ученой литературе обозначились.

3. Однако, и ограничив свою задачу, автор не мог, да и не смел коснуться евангельской проблемы во всей ее совокупности. Проблема эта охватывает область слишком широкую, сложную и разнообразную. Евангелие изучали и изучают, преимущественно, с четырех основных точек зрения. Другими словами, к доставляемому евангелием материалу ученые подходили и подходят с четырех, хотя и различных, но тесно друг с другом соприкасающихся, сторон: богословско-философской, историко-критической, литературно-исторической и формально-филологической.

Успешнее всего шла работа формально-филологическая. Самый текст евангелия может считаться теперь установленным прочно и надежно на основании сохранившегося до нас рукописного предания. В связи с этою формально-филологическою работою на прочную почву встало и реально-филологическое изучение евангельского текста, его экзегеза, толкование евангельских "реалий".

Богословская литература, посвященная евангелию, как книге боговдохновенной, огромная. Так как автор "очерка" не богослов и вопросами, относящимися к богословию, не занимался, то с его стороны было бы дерзостью входить в разбор евангельского богословия. К тому же, при обсуждении его, неминуемо приходится сталкиваться с конфессионализмом, а уже одно это лишает возможности выдержать строго-объективную позицию.

Историк пользовался и пользуется евангелием, как главным и основным источником для изображения жизни и деятельности основателя христианства. Задача эта сопряжена с непреодолимыми затруднениями. Известно, что достоинство всякой биографии зависит от количества и качества источников, легших в ее основание. Вопрос об источниках евангелия, как придется еще указывать ниже, поставлен очень остро и окончательного разрешения не получил. Позволительно вообще спросить: в состоянии ли мы сказать что-либо вполне определенное о жизни Христа, если оставаться на почве строго научного исследования? Пока не будет доказано, что евангелие должно считаться историческим источником для воссоздания реальной, фактической биографии Христа, самое большое, что мы можем извлечь из евангелия, сводится к тому, что мы, на основании евангельских показаний, получаем представление, как думала о Христе первоначальная христианская община, во что она верила.

Рассматривая евангелие, нельзя упускать из виду, что оно не только боговдохновенная книга, не только исторический источник, но что оно прежде всего памятник литературы. Можно утверждать даже большее: историко -- литературная оценка евангелия должна предшествовать оценке его и с специально богословской и с исключительно исторической точек зрения. Господствовавшее раньше стремление изолировать не только евангелие, но и вообще памятники ранне-христианской литературы, поставить их вне связи с современной им, или близко предшествовавшей им однородной литературой, вряд ли могло содействовать установлению правильного взгляда на евангелие, как памятник литературы. Теперь замечается другая тенденция: не отрывать евангелия от окружающей его литературной среды, но сблизить его с нею. И такая постановка дела должна быть признана и правильной и целесообразной. В самом деле: изолировать ранне-христианские памятники, в том числе и евангелие, из предшествовавшей им и современной им литературы значило бы встать, при их оценке, на фальшивую точку зрения, рассматривать их с специфическими целями, отказаться от сравнительного метода их изучения, и тем самым не повысить, а понизить их значение в общей истории человеческой культуры. Всякое произведение мысли человеческой лучше всего постигается из сравнения его с подобными ему, или близкими к нему другими произведениями. И те исследователи памятников ранне-христианской литературы, которые боятся, как греха смертного, искать к ним параллелей и аналогий в языческой литературе, им предшествовавшей и им современной, вряд ли стоят на правильном пути. Разумеется, всякое сравнительное изучение литературных памятников должно быть производимо с большою осмотрительностью, без каких-либо предвзятых стремлений и намерений, без привлечения аналогий сомнительных, параллелей неубедительных. Но с тем большим основанием историк литературы должен отмечать то, что, действительно, аналогично, что, на самом деле, параллельно. Работать в духе указываемого метода следует, однако, не торопясь, и правильнее начать работу с установления мелких, но строго фактических деталей, чтобы, по мере накопления материала, переходить от него к более или менее широким обобщениям, при обязательном условии, чтобы вся работа производилась в рамках исторической перспективы. И лишь когда такая работа над евангелием, как историко-литературным памятником, будет произведена, мы будем в состоянии правильно оценить его и как исторический источник и воспользоваться показаниями евангелия для воссоздания как биографии Христа, так и основ христианского вероучения. Изучение евангелия слишком долго находилось в исключительном обладании богословов. Они сделали для изучения евангелия очень много, и заслуги их в этом отношении неоспоримы; но все же большинство богословских работ, посвященных евангелию, всегда страдали и страдают одним важным, хотя и неизбежным, по существу дела, недостатком: они односторонни и, в силу этого, неисторичны...
